

Новалис

Гейнрих фон Офтердинген

Новалис

Гейнрих фон Офтердинген

«Public Domain»

1800

Новалис

Гейнрих фон Офтердинген / Новалис — «Public Domain», 1800

«Родители уже лежали и спали, стенные часы однообразно тикали, за хлопающими окнами свистел ветер; комната по временам озарялась лунным сиянием. Юноша метался на постели и думал о незнакомце и его рассказах.— Не сокровища так невыразимо привлекают меня, – говорил он себе самому, – жадность чужда моей душе: я мечтаю лишь о том, чтобы увидеть голубой цветок. Он неустанно занимает мои мысли, я не могу ни писать, ни думать о чем-либо другом. Я никогда не испытывал ничего подобного: точно все прежнее было сном, или точно я пронесся во сне в другой мир. В том мире, в котором я жил, никто бы не стал думать о цветах...»

© Новалис, 1800

© Public Domain, 1800

Содержание

Посвящение	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Новалис

Гейнрих фон Офтердинген

Посвящение

Ты вызвала высокие мечты,
Огромный мир манил в твоих призывах.
С тех пор как ты со мною, нет пугливых
Сомнений и не страшно темноты.

В предчувствиях меня взрастила ты,
Со мной на сказочных бродила нивах,
И, как прообраз девушек счастливых,
Звала к очарованиям чистоты.

Зачем же сердце с суетою слито?
Ужели жизнь и сердце – не твои?
И в этом мире ты мне – не защита?
Меня умчат поэзии ручьи,

Но, муза милая, тебе открыты
Все замыслы заветные мои.
Взывает к нам, меняясь всякий час,
Поэзии таинственная сила.

Там вечным миром мир благословила,
Здесь юность вечную струит на нас.
Она, как свет для наших слабых глаз,
Любить прекрасное сердцам судила,

Ей упоен и бодрый и унылый
В молитвенный и опьяненный час,
И грудь ее дала мне утоление;
Ее веленьем стал я сам собой

И поднял взор от прежнего томленья.
Еще дремал верховный разум мой,
Но, чуя в ангеле ее явленье,
Лечу в ее объятьях – с ней одной.

Часть первая

Ожидание

Глава первая

Родители уже лежали и спали, стенные часы однообразно тикали, за хлопающими окнами свистел ветер; комната по временам озарялась лунным сиянием. Юноша метался на постели и думал о незнакомце и его рассказах.

– Не сокровища так невыразимо привлекают меня, – говорил он себе самому, – жадность чужда моей душе: я мечтаю лишь о том, чтобы увидеть голубой цветок. Он неустанно занимает мои мысли, я не могу ни писать, ни думать о чем-либо другом. Я никогда не испытывал ничего подобного: точно все прежнее было сном, или точно я пронесся во сне в другой мир. В том мире, в котором я жил, никто бы не стал думать о цветах; а про такую особенную страсть к цветку я даже никогда и не слышал. Откуда собственно явился незнакомец? Никто из нас никогда не видал такого человека; не знаю, почему только я один был так потрясен его речами; другие тоже слушали его, но ни с кем не случилось того, что было со мной. Не могу даже объяснить словами свое странное состояние. Я часто ощущаю изумительную отраду, и только когда я не вполне ясно представляю себе цветок, на меня нападает глубокая тревога: этого никто не поймет и не может понять. Мне казалось бы, что я сошел с ума, если бы я не сознавал все в себе с такой ясностью; не мыслил бы так отчетливо; я точно все лучше знаю. Я слышал, что в древние времена животные, деревья и скалы разговаривали с людьми. У меня теперь такое чувство, точно они каждую минуту опять собираются заговорить, и я как бы ясно вижу, что они хотят мне сказать. Есть, вероятно, еще много слов, которых я не знаю: знай я их больше, я бы мог лучше их постичь. Прежде я любил танцевать, теперь я предпочитаю думать под музыку. – Юноша постепенно забылся в сладкой дреме и заснул. Ему приснилась сначала безграничная даль и дикие неведомые места. Он переплывал моря с непостижимой легкостью; он видел странных зверей; он жил с различными людьми, то среди битв, то в диком смятении, то в тихих селениях. Он попал в плен и в страшную нужду. Все ощущения достигли в нем неведомой до того напряженности. Он прожил бесконечно пеструю жизнь, умер и снова родился, любил с безумной страстью, и затем снова настала вечная разлука с возлюбленной. Наконец, под утро, когда стало светать, буря в его душе стихла, и образы сделались более ясными и устойчивыми. Ему казалось, что он бродит один в темном лесу. Лишь изредка пробивался свет сквозь зеленую сеть. Вскоре он подошел к ущелью, которое вело вверх. Ему пришлось карабкаться по мшистым камням, когда-то снесенным вниз потоком. Чем выше он подымался, тем лес все более светлел. Наконец, он дошел до маленького луга – склона горы. За лугом высился утес, у подножия которого он увидел отверстие; оно казалось началом прохода, вырубленного в утесах. По этому внутреннему ходу он шел прямо несколько времени и дошел до широкого выхода, откуда сверкнул ему навстречу яркий свет. Приблизившись, он увидел мощный луч, поднимавшийся, как струя фонтана, до самого потолка: там он рассыпался на бесчисленные искры, которые собирались внизу в большом бассейне; луч сверкал, как зардевшееся золото. Не слышно было ни малейшего звука; священная тишина окружала дивное зрелище. Он приблизился к бассейну, искрившемуся разноцветными переливами света. Стены пещеры были покрыты этой влагой, не горячей, а прохладной; она светилась слабым голубоватым светом. Он погрузил руку в бассейн и омочил свои губы. Его точно пронизало веяние духа, и он почувствовал себя укрепленным и освеженным. Его охватило непреодолимое желание выкупаться; он снял одежду и вошел в бассейн. Тогда его точно окутало вечернее облако; небесное чув-

ство охватило его; несчетные мысли сладострастно сливались в нем; возникали новые, никогда невиданные образы, которые тоже сливались и превращались в воплощенные существа; и каждая из волн нежной стихии льнула к нему, как нежная грудь. В потоке точно растворились юные девы, обретавшие плоть от прикосновения к юноше.

Опьяненный восторгом и все же вполне сознательно воспринимая каждое ощущение, он медленно плыл вдоль сверкающего потока, который вливался из бассейна в утесы. Его охватила нежная дремота, и ему снились неопишуемые происшествия; затем его пробудило новое просветление. Он очутился на мягком лугу у края ручья, точно вливающегося в воздух и в нем исчезающего. Темно-синие скалы с пестрыми жилками возвышались на некотором расстоянии; окружавший его дневной свет был яснее и мягче обыкновенного; небо было черносинее и совершенно чистое. Но с наибольшей силой привлекал его голубой цветок, который рос у ручья, касаясь его своими широкими, блестящими листьями. Цветок окружали бесчисленные другие цветы всевозможной окраски, и в воздухе носилось чарующее благоухание. Но он ничего не видел, кроме голубого цветка, и долго разглядывал его с невыразимой нежностью. Наконец, ему захотелось приблизиться к цветку; но цветок вдруг зашевелился и вид его изменился; листья сделались более блестящими и прижались к растущему стеблю, цветок склонился к нему и лепестки образовали широкий голубой воротник, из которого выступало нежное личико. Его радостное изумление все возрастало при виде странного превращения, как вдруг его разбудил голос матери, и он проснулся в родительском доме, в комнате, уже озаренной золотыми лучами утреннего солнца. Слишком очарованный, чтобы рассердиться за то, что его разбудили, он приветливо поздоровался с матерью и поцеловал ее.

– Ах ты соня, – сказал отец. – Я-то уже давно сижу здесь и пилю. Из-за тебя мне запретили стучать молотком; мать не хотела, чтобы тревожили сон ее сына. И завтрака мне тоже еще не дают. Ты умно сделал, что избрал учительское дело; мы для него трудимся и не спим. Но хороший ученый, как мне говорили, тоже должен ночей не досыпать, чтобы успеть изучить великие произведения мудрых предшественников.

– Милый отец, – ответил Гейнрих, – не гневайтесь за мой долгий сон, мне несвойственный. Я очень поздно заснул и мне снилось много тревожного; потом только приснился приятный сон. Его я долго не забуду и, мне кажется, это не был простой сон.

– Милый Гейнрих, – сказала мать, – ты верно лег на спину, или же думал о постороннем во время вечерней молитвы. И вид у тебя какой-то странный. Позавтракай скорее, чтобы придти в себя.

Мать вышла из комнаты, а отец, продолжая усердно работать, сказал:

– Сны ничто иное, как пена, что бы ни говорили ученые господа; и лучше, если бы ты не предавался бесполезным и вредным мыслям. Прошли времена, когда сны соединялись с божественными откровениями; мы даже понять не можем и никогда не поймем, что испытывали те избранники, о которых говорит Библия. В то время, вероятно, сны были другие, и все человеческое было иным.

В наш век нет уже непосредственного общения с небом. Старые сказания и писания – единственные источники, из которых мы можем черпать познания о надземном мире, поскольку нам это нужно; и, вместо прямых откровений, святой дух общается с нами теперь через посредство умных и благородных мужей, проявляется в жизни и в судьбе людей благочестивых. Чудеса наших дней никогда не трогали меня, и никогда я не верил в их великое значение, о котором говорят наши священники. Но, конечно, кто хочет, пусть верит; я не стану смущать ничьей веры.

– Но почему же, милый отец, вы так восстаете против снов, которые должны вызывать на размышления своей легкостью и странными превращениями? Разве всякий, хотя бы самый спутанный сон не представляет собой нечто странное и даже если не кажется ниспосланным Богом, все же как бы разрывает таинственную завесу, которая окутывает тысячью складок нашу

душу? В самых мудрых книгах есть рассказы достовернейших людей о замечательных снах. Вспомните сон, о котором недавно рассказал нам почтенный придворный капеллан; сон этот и вам показался очень замечательным.

Но и помимо чужих рассказов, если бы вам в первый раз в жизни приснился сон, до чего бы это удивило вас. Вы бы считали чудом событие, которое сделалось для нас будничным. Мне сны кажутся оплотом против правильности и обыденности жизни, отдыхом для скованной фантазии; она перемешивает во сне все жизненные представления и прерывает радостной детской игрой постоянную серьезность взрослого человека. Без снов мы бы, наверное, все раньше состарились; и поэтому можно считать сон если и не непосредственным даром свыше, то все же божественной милостью, дружественным спутником на пути к Гробу Господню. Сон, который я видел сегодня ночью, наверное, не пустая случайность в моей жизни. Я чувствую, что он захватил мою душу, как большое колесо, и властно мчит ее вдаль.

Отец дружески улыбнулся и сказал, взглянув на мать, которая вошла в эту минуту в комнату:

– Послушай, мать, Гейнрих ясно свидетельствует всем своим существом о часе, которому он обязан жизнью. В его речах кипит пламенное итальянское вино, которое я тогда привез из Рима и которое так пьянило всех на нашем свадебном пиру. Я был в то время еще другим человеком. Южный воздух оживил меня, я был полон отваги и веселья, и ты тоже была горячая, очаровательная девушка. Какой тогда твой отец устроил дивный пир! Музыканты и певцы собрались со всех сторон; в Аугсбурге долго после того не было более веселой свадьбы.

– Вы говорили о снах, – сказала мать. – Помнишь, ты мне тогда тоже рассказывал о сне, который тебе приснился в Риме? Сон этот и побудил тебя ехать в Аугсбург и просить моей руки.

– Ты как раз во время напомнила мне о нем, – сказал старик. – Я совсем забыл про тот странный сон, долгое время меня занимавший; но он подтверждает то, что я говорил о снах. Трудно представить себе нечто более определенное и ясное; я и теперь помню каждую подробность этого сна. Но разве в нем был какой-нибудь смысл? То, что я видел тебя во сне и вскоре после того охвачен был влечением к тебе, совершенно естественно; я тебя уже раньше знал. Ты сразу пленила меня приветливой прелестью твоего существа, и только жажда увидеть чужие страны сдерживала мое желание обладать тобою. В то время, когда мне приснился сон, моя любознательность уже в значительной степени улеглась, и чувство к тебе могло легче одержать верх.

– Расскажите нам этот странный сон, – сказал сын.

– Однажды вечером, – начал отец, – я пошел бродить. Небо было чистое; месяц озарял древние колонны и стены бледным жутким светом. Мои товарищи пошли увиваться за девушками, и мне тоже не сиделось дома; тоска по родине и любовь томили меня. После долгой ходьбы мне захотелось пить, и я вошел в первый встречный деревенский дом, чтобы попросить глоток вина или молока. Ко мне вышел старый человек, которому я, вероятно, показался очень подозрительным гостем. Я попросил его дать мне напиться, и когда он узнал, что я иностранец и немец, он вежливо позвал меня в комнату, принес бутылку вина, попросил меня сесть и спросил, чем я занимаюсь. Комната была полна книг и разных древностей. Мы вступили в длинную беседу; он много рассказывал мне о старых временах, о художниках, о ваятелях и поэтах. Никогда еще я не слыхал таких речей. Я как бы высадился на берег в новом мире. Он показал мне разные печати и другие предметы художественной работы, потом пламенно прочел несколько прекрасных стихотворений, и время проходило, как единое мгновение. И теперь еще сердце мое преисполняется радостью, когда я вспоминаю пестроту дивных мыслей и чувств, охвативших меня в ту ночь. В языческих временах он чувствовал себя, как дома, и страстно рвался в мечтах обратно в седую древность. Наконец, он провел меня в комнату, где предложил провести остаток ночи; было уже слишком поздно, чтобы возвращаться домой. Я

будто должен был куда-то идти, но не знал, куда и зачем. Я вскоре заснул и мне показалось, точно я в родном городе и выхожу за городские ворота. Я быстрыми шагами направился в горы, и на душе было так хорошо, точно я спешил к венцу. Я шел не по большой дороге, а полем через долины и леса, и вскоре очутился у высокой горы. Поднявшись на вершину ее, я увидел золотистую равнину; передо мной простиралась вся Тюрингия; ни одна гора по близости не застилала мне взор. Против меня высился темный Гарц и я увидел бесчисленные замки, монастыри и деревни. Тогда мне сделалось еще отраднее на душе, и в ту же минуту мне вспомнился старик, у которого я ночевал; мне казалось, что прошло много времени с тех пор, как я у него был. Вскоре я увидел лестницу, которая вела в глубь горы, и стал спускаться по ней. Долгое время спустя, я очутился в большой пещере; там сидел старец в длинной одежде перед железным столом и неотступно глядел на стоящее перед ним мраморное изваяние дивно-прекрасной девушки. Борода старца проросла через железный стол и покрывала ему ноги. У него было ласковое, вдумчивое лицо, и он напомнил мне старинное изваяние, которое я видел в этот вечер у моего хозяина. Пещера была озарена ярким светом. Когда я так стоял и смотрел на старика, мой хозяин вдруг хлопнул меня по плечу, взял меня за руку и повел меня за собой по длинным переходам. Через несколько времени я увидел пробивавшийся издали дневной свет. Я быстро направился к свету и вскоре очутился на зеленой равнине. Но все казалось мне не таким, как в Тюрингии. Огромные деревья с большими блестящими листьями бросали тень далеко вокруг себя; было очень жарко, но никакой духоты не чувствовалось. Всюду были ручьи и цветы; из всех цветов один понравился мне больше всего, и мне казалось, что все другие цветы склоняются перед ним.

– Ах, милый отец, скажите мне, пожалуйста, какого цвета был этот цветок? – взволнованно спросил сын.

– Этого я не помню, хотя все другое совершенно ясно запечатлелось в моей памяти.

– Не был ли он голубой?

– Возможно, – продолжал старик, не обращая внимания на странное возбуждение Гейнриха. – Знаю только, что мною овладело какое-то невыразимое чувство, и я долго не оборачивался к моему спутнику. Когда же я взглянул, на него, то заметил, что он очень внимательно смотрел на меня и с искренней радостью улыбался мне. Как я ушел оттуда, совсем не помню. Я снова очутился на вершине горы. Мой спутник стоял подле меня и сказал мне: «Ты видел чудо мира. Ты можешь стать самым счастливым человеком на свете и, кроме того, еще прославиться. Запомни, что я тебе говорю: если ты в Иванов день придешь сюда под вечер и от души попросишь Господа, чтобы тебе дано было понять этот сон, то на твою долю выпадет величайшее земное божество. Тогда обрати внимание на голубой цветок, который ты здесь найдешь. Сорви его и смиренно отдайся воле неба». После того я очутился во сне среди дивных существ и множества людей, и неисчислимые времена проносились перед моими взорами в игре разнообразных изменений. У меня точно развязался язык, и то, что я произносил, звучало как музыка. Потом все снова сделалось тесным, темным, обыденным; я увидел перед собой твою мать с кротким, стыдливым взором. Она держала в руках сияющего младенца и протянула его мне; тогда младенец стал вдруг расти и становился все более светлым и сверкающим. Потом он поднялся вдруг ввысь на ослепительно белых крыльях, взял нас обоих в свои объятия и улетел с нами так высоко, что земля казалась золотым блюдом, украшенным красивой резьбой. Потом помню я еще, что снова появились цветок, гора и старец; но вскоре после того я проснулся и почувствовал себя охваченным пламенной любовью. Я простился с моим радушным хозяином, который попросил меня почаще его навещать. Я ему это обещал и сдержал бы слово, но вскоре после этого оставил Рим и помчался в Аугсбург.

Глава вторая

Иванов день миновал; мать давно уже собиралась съездить в Аугсбург к отцу с милым внуком, которого он еще не знал. Несколько купцов, добрых друзей старого Офтердингена, отправлялись туда по торговым делам. Мать решила воспользоваться этим, чтобы выполнить свое желание. Ей тем сильнее хотелось ехать, что уже несколько времени она замечала перемену в сыне; он притих и сделался более замкнутым, чем обыкновенно. Она думала, что он расстроен или болен, и полагала, что далекое путешествие, вид новых людей и новых стран, а также, как она втайне надеялась, чары одной из ее молодых землячек рассеют его грусть и вернут ему его прежнюю отзывчивость и жизнерадостность. Отец дал свое согласие, и Гейнрих бесконечно обрадовался, что попадет в край, который уже давно представлял себе, по рассказам матери и некоторых путешественников, каким-то раем на земле и куда часто тщетно стремился попасть.

Гейнриху только что исполнилось двадцать лет. Он никогда еще не уезжал дальше окрестностей родного города: свет он знал только по рассказам. Книг ему тоже мало попадалось на глаза. При дворе ландграфа, по обычаю того времени, жизнь была простая и тихая. Пышность и жизненные удобства владетельного князя едва ли могли бы сравниться с теми удовольствиями, которые в позднейшее время мог предоставить себе и своей семье, не будучи расточительным, всякий частный человек со средствами. Но зато любовь к предметам, которыми люди окружали себя в своем обиходе, была тем более нежной и глубокой. Люди больше ценили вещи, больше восхищались ими. Тайна природы и происхождения простых тел сама по себе привлекала пылливый ум, а более редкостный дар обработки предметов, романтическая даль, откуда они получались, священное обаяние старины – более тщательно сбереженные предметы становились часто достоянием нескольких поколений – еще более усиливали любовь к этим немым свидетелям жизни. Часто им поклонялись, как священным залогам особого благословения, особенной судьбы, и с их сохранностью связывали благополучие целых государств и широкоразветвленных родов. Благообразная бедность украшала те времена своеобразно вдумчивой и чистой простотой, и бережливо распределенные сокровища тем ярче блистали в этих сумерках, преисполняя чуткие души волшебными чаяниями. Если правда, что нужно искусно распределить свет, краски и тени, чтобы выявить скрытую красоту видимого мира, ибо этим как бы создается новое, более проникновенное зрение, то подобного рода распределение существовало тогда повсюду. Сравнительно с прошлым позднейшее время, более состоятельное, представляет однообразную и более серую картину будничности. Во всех промежуточных эпохах прорывается более высокая духовная сила. Как на поверхности земли наиболее богатые подземными и надземными сокровищами местности расположены между дикими неприступными горами и необозримыми равнинами, так и между веками грубого варварства и эпохами богатства, расцвета искусства и науки, расположилась вдумчивая романтическая эпоха, таящая величие под скромным одеянием. Всякому отрадно бродить в сумерки, когда ночь, встречаясь со светом, и свет, встречаясь с ночным мраком, распадаются на более тонкие тени и краски; мы охотно поэтому углубляемся в те годы, когда жил Гейнрих и когда он шел с открытым сердцем навстречу новым событиям. Он попрощался со своими товарищами и с учителем, старым, мудрым придворным капелланом, который знал, как богато одарен Гейнрих, и отпустил его с растроганным сердцем и тихой молитвой. Ландграфиня была его крестной матерью; он часто бывал у нее в Варбурге. И теперь он тоже отправился перед отъездом к своей покровительнице. Она дала ему добрые советы, подарила золотую цепь и ласково простилась с ним.

С грустью покинул Гейнрих отца и родной город. Он впервые понял, что значит разлука. Когда он представлял себе путешествие в мечтах, это не сопровождалось тем странным чувством, которое он испытывал теперь; впервые то, что составляло его мир, оторвалось от него,

и его точно выкинуло на чужой берег. Бесконечно велика юношеская скорбь, когда впервые обнаруживается бренность того, что должно казаться неискушенной душе неразрывно связанным с самой сущностью бытия, столь же неизменным как оно. Подобно первому напоминанию о смерти, первая разлука остается навсегда памятной; после того, как она долго пугала, точно призрак в ночи, она становится, наконец, при падающей отзывчивости на событие дня, при возрастающем стремлении к твердому незыблемому миру, добрым вожатым и утешителем. Близость матери очень утешала юношу. Старый мир казался не окончательно утраченным, и он льнул к нему с удвоенной нежностью. Было раннее утро, когда путники выехали верхом из ворот Эйзенаха, и утренний полусвет был отраден взволнованным чувствам Гейнриха. По мере того, как становилось светлее, перед его взорами все яснее выступали новые незнакомые места; и когда с высоты холма покинутая местность вдруг озарилась восходящим солнцем, в душе изумленного юноши пробудились старые песни души, нарушая ход его печальных мыслей. Он увидел себя на пороге дали, в которую часто и тщетно вглядывался с близких гор и которую рисовал себе в небывалых красках. Теперь он окунется в ее синий поток. Чудесный цветок стоял перед ним, и он оглянулся на Тюрингию, которую оставлял теперь позади себя, с странным предчувствием, что после долгих скитаний вернется на свою родину с той стороны, куда он теперь направляется, и что поэтому он, в сущности, совершает теперь обратный путь домой. Путники, которые все сначала притихли по тем же причинам, что и Гейнрих, понемногу оживились и стали сокращать время разговорами и рассказами. Мать Гейнриха, желая отвлечь сына от дум, в которые он погрузился, стала рассказывать ему о своей родине, о доме отца и о веселой жизни в Швабии. Купцы тоже вмешались в разговор; они все подтверждали рассказы матери, восхваляли гостеприимство старого Шванинга, и говорили о том, как красивы женщины в стране их спутницы.

– Хорошо, что вы везете туда вашего сына, – говорили они. – Нравы вашей родины более мягкие, люди там обходительные. Они умеют заботиться о полезном, не пренебрегая приятным. Каждый старается удовлетворить своим потребностям с очаровательным радушием. Купцам от этого хорошо и они в почете. Искусства и ремесла процветают и облагораживаются. Трудолюбивым работа кажется более легкой, потому что она доставляет много удобств. Взяв на себя однообразный труд, человек за то приобретает уверенность, что может насладиться пестротой различных приятных занятий. Деньги, труд и товары погоняют друг друга в быстром вращении, содействуя расцвету города и деревни. Чем усерднее производительная энергия пользуется днями, тем исключительнее вечера посвящаются очарованиям искусства и общества. Душа жаждет отдыха и разнообразия, а где найти и то и другое в более благопристойном и обаятельном виде, чем в свободных играх и в произведениях благороднейшей силы духа, проникновенного творчества? Нигде не услышишь столь приятных певцов, нигде нет таких великолепных живописцев, нигде не увидишь в танцевальных залах более легких движений, более очаровательных женщин. Близость Италии сказывается в непринужденном обращении и в прелести речей. Женщинам разрешается украшать общество своим присутствием; не страшась злословия, они могут приветливо вызывать соперничество в желании им понравиться. Суровая сосредоточенность и дикая необузданность мужчин уступает место мягкой живости и скромной тихой веселости, и любовь становится в тысяче воплощений душой этих радостных собраний. Это не только не порождает непристойной вольности, а, напротив того, все злое как бы бежит от столь чистой прелести и во всей Германии, наверное, нет более добродетельных девушек и более верных жен, чем в Швабии.

– Да, юный друг, в ясном, теплом воздухе южной Германии вы отбросите свою суровую застенчивость; веселые девушки сделают вас словоохотливым и общительным. Уже то, что вы чужеземец, а также ваше близкое родство со стариком Шванингом, душой всякого веселого сборища, обратит на вас очаровательные взоры девушек; и если вы последуете советам вашего

дедушки, то, наверное, подарите нашему родному городу такое же украшение в лице прекрасной жены, как ваш отец.

Мать Гейнриха, покраснев, ласково поблагодарила за прекрасную похвалу ее родине и за хорошее мнение об ее соотечественниках; задумчивый Гейнрих тоже слушал с большим вниманием и удовольствием рассказы о стране, с которой ему предстояло познакомиться.

– Хотя, – продолжали купцы, – вы и не намерены продолжать профессию вашего отца, предпочитая, как мы слышали, ученые занятия, все же, ведь, вам нет надобности сделаться священником и отказаться от величайших земных наслаждений. Очень печально, что наука сделалась достоянием сословия, столь чуждого мирской жизни. Печально и то, что князья окружены такими необщительными и незнающими жизни людьми. Они живут в одиночестве, не принимая участия в ходе мирских дел, и мысли их поэтому уклоняются в сторону и не соответствуют действительности. В Швабии вы встретите истинно умных и знающих людей среди мирян, и какую бы вы ни выбрали область человеческих знаний, у вас не будет недостатка в наилучших учителях и советчиках.

Помолчав, Гейнрих, которому вспомнился при этих словах его друг, придворный капеллан, сказал:

– Хотя, при моем незнании жизни, я и не могу спорить с вами относительно непригодности духовных лиц к пониманию мирских дел, все же позвольте мне напомнить вам о нашем почтенном придворном капеллане. Он-то уж несомненно образец мудрого человека и его поучения и советы останутся для меня незабвенными.

– Мы от всей души почитаем этого прекрасного человека, – ответили купцы, – но все же можем согласиться с вами в том, что он мудрый человек, лишь поскольку вы говорите о мудрости богоугодной жизни. Если же вы его считаете столь же умным в житейском смысле, насколько он сведущ и опытен в деле спасения души, то позвольте нам быть другого мнения. Но мы полагаем, что это нисколько не умаляет заслуживающих всякой похвалы достоинств святого мужа; он только слишком погружен в мысли о небесном, чтобы понимать еще кроме того и земные дела.

– Но мне кажется, – возразил Гейнрих, – что это высшее знание помогает беспристрастно управлять человеческими делами. Такая детская непосредственная простота может вернее провести через лабиринт человеческих дел, чем разум, ограниченный, вводимый в заблуждение корыстными побуждениями, ослепленный неисчерпаемым числом новых случайностей и запутанных обстоятельств. Не знаю, прав ли я, но я вижу два пути, ведущие к пониманию истории человека. Один путь, трудный и необозримо-далекий, с бесчисленными изгибами – путь опыта; другой, совершаемый как бы одним прыжком – путь внутреннего созерцания. Тот, кто идет по первому пути, должен выводить одно из другого, делая длинные подсчеты, а кто идет по другому – постигает непосредственно сущность каждого события, каждого явления, созерцает его во всех его живых разнообразных соотношениях и может легко сравнить его со всеми другими, как фигуры, начертанные на доске. Простите, если я говорю точно из детских снов; только вера в вашу доброту и воспоминание об учителе, указавшем мне издавна на второй путь, как на свой собственный, придает смелость моим речам.

– Мы охотно сознаемся, – сказали добродушные купцы, – что не можем следить за ходом ваших мыслей: все же нам приятно, что вы с такой теплотой вспоминаете о вашем прекрасном учителе и так хорошо, по-видимому, усвоили его учение. Нам представляется, что у вас есть предрасположение к тому, чтобы сделаться поэтом. Вы так свободно говорите о явлениях вашей душевной жизни и у вас нет недостатка в изысканных выражениях и подходящих сравнениях. Вы также склонны к чудесному, а это стихия поэтов.

– Не знаю, – сказал Гейнрих, – как это случилось; я уже часто слышал про поэтов и певцов, но никогда ни одного не видал. Я даже не могу составить себе ясного представления об их удивительном искусстве, а все же у меня есть страстное желание узнать что-нибудь о

нем. Мне кажется, я бы тогда яснее понял многое, о чем теперь лишь смутно догадываюсь. О стихах мне часто говорили, но я никогда не видел ни одного стихотворения, и мой учитель никогда не имел случая изучить поэзию. Все, что он мне об этом говорил, было для меня не ясно. Но он всегда утверждал, что поэзия благородное искусство, которому я бы весь отдался, если бы когда-нибудь постиг его. В старые времена, по его словам, оно было гораздо более распространено и всякий кое-что знал о нем, причем больше один от другого. Мой учитель говорил также, что поэзия была сестрой других исчезнувших ныне дивных искусств, что поэты отмечены высокой милостью неба и потому, вдохновляемые невидимой близостью божества, могут в чарующих звуках возвещать на земле небесную мудрость.

Купцы сказали на это:

– Мы, правда, никогда не интересовались тайнами поэтов, но все же слушали с удовольствием их песни. Быть может, верно, что нужно особое расположение светил для того, чтобы родился на свет поэт, ибо, действительно, искусство это чрезвычайно своеобразное. Все другие искусства очень отличны от поэзии и все они гораздо более понятны. То, что созидают живописцы и музыканты, виднее; их искусству можно научиться при условии прилежания и терпения. Звуки заключены уже в струнах, и нужна только беглая рука, чтобы приводить их в движение и извлекать из них звуки в красивом сочетании. В живописи великолепнейшим учителем является сама природа. Она создает бесчисленные, прекрасные и изумительные облики, дает краски, свет и тени, так что достаточно умелая рука, верный глаз и умение готовить и смешивать краски дают возможность в совершенстве воспроизводить природу. Вполне понятна поэтому привлекательность этих искусств, любовь к художественным произведениям. Пение соловья, свист ветра и прелесть красок, игра света, прекрасные существа нравятся нам, приятно волнует наши чувства. И так как наши чувства таковы, потому что такими их создала природа, создавшая и все другое, то и воспроизведение природы в искусстве тоже должно нам нравиться.

Природа хочет сама ощутить свое великое мастерство и поэтому она претворилась в людей и, таким образом, созерцает в них свое величие, отделяет от предметов их приятность и обаяние и создает и то и другое отдельно, для того, чтобы различнейшим образом всюду и всегда им наслаждаться. Поэзия же, напротив того, не создает ничего внешне осязательного. Кроме того, она не производит ничего руками или внешними орудиями. Зрение и слух не воспринимают поэзию, ибо слышать слова не значит еще испытывать чары этого таинственного искусства. Оно все сосредоточено внутри. Подобно тому, как в других искусствах художники доставляют приятные ощущения внешним чувствам, поэт наполняет новыми, дивными и приятными мыслями святыню души. Он умеет пробуждать в нас по желанию тайные силы и открывает нам через посредство слов неведомый обаятельный мир. Точно из глубоких пещер поднимаются минувшие и грядущие времена, предстают перед нами бесчисленные люди, дивные местности и самые странные события, отрывая нас от знакомой действительности. Мы слышим неведомые слова и все же знаем, что они должны означать. Изречения поэта имеют волшебную силу, и самые простые слова выливаются в прекрасные звуки и опьяняют очарованного слушателя.

– Вы превращаете мое любопытство в пламенное нетерпение, – сказал Гейнрих. – Расскажите мне, прошу вас, о всех певцах, которых вы слышали. Мне хотелось бы без конца слушать про этих особенных людей. Мне вдруг показалось, что я уже когда-то, в самой ранней юности, слышал про них, но я не могу ничего вспомнить. То, что вы говорите, мне чрезвычайно ясно и знакомо, и вы доставляете мне необычайное удовольствие вашими прекрасными описаниями.

– Нам самим приятно вспомнить, – продолжали купцы, – о многих часах, проведенных в Италии, во Франции и в Швабии в обществе певцов, и мы рады, что вы с таким интересом внимаете нам.

Когда путешествуешь в горах, беседа становится вдвойне приятной, и время летит незаметно. Может быть, вас займут несколько интересных рассказов про певцов, которые мы слышали во время путешествий. О том, что нам пели певцы, мы можем мало сказать, потому что радость и возбуждение минуты мешают все запомнить, а, кроме того, постоянные торговые дела тоже стерли многое, что осталось в памяти.

В старые времена вся природа была, вероятно, более живой и восприимчивой, чем в наше время. Многие, что теперь, кажется, едва замечают даже звери и что чувствуют и с наслаждением воспринимают только люди, в то время ощущалось даже бездушными предметами; поэтому люди, обладавшие высоким художественным даром, создавали тогда много такого, что нам теперь кажется невероятным и сказочным. Так, в древние времена, в пределах теперешнего греческого государства, как нам рассказывали путешественники, слышавшие еще там эти предания в простом народе, были поэты, пробуждавшие дивными звуками волшебных инструментов тайную жизнь лесов, духов, спрятанных в стволах деревьев; они оживляли мертвые семена растений в диких местностях и создавали там цветущие сады, укрощали зверей, смягчали нравы дикарей, вызывали в них кроткие чувства, насаждали мирные искусства, превращали стремительные потоки в тихие воды и даже увлекали мертвые камни в стройные движения мерного танца. Говорят, они были одновременно прорицателями и жрецами, законодателями и врачами: своим волшебством они вызывали высшие существа, которые открывали им тайны грядущего, гармонию и естественный строй всего земного, а также свойства и целебные силы чисел, растений и всех существ. С тех пор, как гласит предание, и возникло разнообразие звуков, а также странные влечения и сочетания в природе: до того все было дико, беспорядочно и враждебно. Странно только то, что хотя прекрасные следы этого и остались на память о благодетелях человеческого рода, но самое их искусство или же тонкое чутье природы утратились. В те времена случилось однажды, что один из этих удивительных поэтов или музыкантов – в сущности музыка и поэзия одно и то же и так же связаны, как рот и уши, так как рот только подвижное и отвечающее ухо – собрался ехать за море в чужую страну; у него было множество драгоценностей и прекрасных вещей, которые люди дарили ему из благодарности. Он увидел у берега корабль, владельцы которого выказывали готовность повезти его туда, куда он желал, за предложенную им плату. Но блеск и красота его сокровищ вскоре возбудили их жадность; они уговорились между собой выбросить певца в море, а затем разделить между собой его имущество. Выйдя в море, они напали на него и сказали, что ему предстоит смерть, так как они решили бросить его в воду. Он стал трогательно просить их о пощаде, предложил им в качестве выкупа свои сокровища и предсказал им большое несчастье, если они выполнят свое намерение. Но ни то, ни другое не подействовало на них; они боялись, что он потом выдаст тайну их злодейского умысла. Увидев, что они так твердо стоят на своем, он попросил их позволить ему, по крайней мере, сыграть и спеть перед смертью свою лебединую песню и обещал им после того добровольно броситься в море на их глазах, со своим простым деревянным инструментом в руках. Они отлично знали, что если услышат его волшебную песню, то сердца их смягчатся, и души их охватит раскаяние; поэтому они решили хотя и исполнить его последнюю просьбу, но во время пения заткнуть себе уши, чтобы не слышать звука его голоса и не отказаться от своего решения. Так все и произошло. Певец запел дивную, бесконечно трогательную песню. Весь корабль вторил ему, волны звучали, солнце и звезды появились вместе на небе, а из зеленых вод вынырнули пляшущие стаи рыб и морских чудовищ. Только люди на корабле стояли с враждебными лицами, крепко заткнув уши, и ожидали с нетерпением конца песни. Вскоре пение кончилось. Тогда певец с ясным челом прыгнул в темную бездну, держа в руке свой волшебный инструмент. Но едва только он коснулся сверкающих волн, как тотчас же под ним очутилась широкая спина одного из благодарных ему за песни морских чудовищ, и оно уплыло, умчав на себе изумленного певца. В скором времени оно примчало его к берегу, куда он направлялся, и мягко вынесло его на прибрежный камыш. Певец спел своему спасителю радостную песню

в знак благодарности и ушел. Несколько времени спустя, он ходил однажды один по морскому берегу и стал изливать в сладостных звуках свою печаль об утраченных сокровищах, столь дорогих ему, как память о счастливых часах и как знаки любви и благодарности. В то время, как он пел, среди моря вдруг появился его старый друг и, радостно приблизившись к берегу, выкинул на песок из пасти похищенные сокровища. После того, как певец прыгнул в море, начался дележ оставленных им сокровищ; дележ этот привел к спорам и кончился кровопролитной свалкой, стоившей жизни большинству спорщиков; те немногие, которые остались в живых, не умели управлять кораблем, и он скоро стукнулся о берег, разбился и пошел ко дну. Моряки едва спасли свою жизнь и вернулись на берег с пустыми руками и в разорванном платье; таким образом, при помощи благодарного морского животного, нашедшего сокровища на дне морском, они вернулись в руки прежнего владельца.

Глава третья

– Другой рассказ, – продолжали купцы, помолчав, – не такой чудесный и относится к более позднему времени; но и он вам, быть может, понравится и еще ближе познакомит вас с могуществом дивного искусства. Некий старый король жил с большой пышностью. Со всех сторон к его двору стекались люди, чтобы разделить великолепие его жизни; на ежедневных празднествах не было недостатка в обильных яствах, в музыке, в дивном убранстве и одеждах, в тысяче разнообразных зрелищ и увеселений, а также в умных, приятных и ученых людях для беседы и развлечения, в красивых, обаятельных юношах и девушках, составляющих всегда душу приятных пиршеств. У старого короля, строгого и сурового по природе, было два влечения, побуждавших его содержать пышный двор и так прекрасно устроить его. Одним влечением его была нежность к дочери, бесконечно дорогой ему, как память о рано умершей жене, а также потому, что она была невыразимо прекрасна; он бы охотно отдал все сокровища природы и всю силу человеческого духа, чтобы создать ей рай на земле. Другим влечением была его страстная любовь к поэзии и ее творцам. Он с юности с глубоким наслаждением читал произведения поэтов, потратил много усердия и большие деньги на то, чтобы собрать их произведения на всех языках, и всегда выше всего ценил общество певцов. Он привлекал их к своему двору отовсюду и осыпал их почестями. Он готов был непрерывно слушать их песни и часто забывал самые важные дела и даже еду и питье ради новой увлекательной песни. Дочь его выросла среди песен, и вся ее душа была нежной песнью, выражением одной лишь скорби и тоски. Благотворное влияние певцов, пользовавшихся почетом и покровительством, сказывалось во всей стране и, в особенности, при дворе. Жизнь наслаждались медленными, маленькими глотками, как очаровательным питьем, и с тем более чистой радостью, что все низменные злые страсти рассеивались от звуков нежного, гармонического настроения, царившего во всех душах. Душевное спокойствие и блаженное внутреннее созерцание самобытно созданного счастливого мира сделались достоянием этого дивного времени, и о распрях говорилось только в старинных поэтических сказаниях, как о существовавших встарь врагах человечества. Духи песнопения дали, казалось, своему покровителю очаровательнейший знак своей благодарности в лице его дочери, обладавшей всем, что самое нежное воображение может соединить в прелестном образе девушки. На прекрасных пирах она появлялась, окруженная милыми подругами, в сверкающем белом платье, слушала с глубоким вниманием пение вдохновенных певцов во время поэтических состязаний и, краснея, возлагала благоуханный венок на кудри счастливицы, песня которой одерживала победу. В эти минуты она казалась воплотившейся душой дивного искусства, созидающего волшебные звуки и, глядя на нее, переставали удивляться восторгам и песням поэтов.

Но над этим земным раем витала таинственная судьба. Единственное, что заботило все население, было замужество юной принцессы; от него зависело продление блаженства и судьба всей страны. Король становился все более старым. Он сам был сильно озабочен, и все же не было никаких видов на такое замужество принцессы, которое могло бы всех удовлетворить. Священное благоговение перед королевским домом не позволяло никому из подданных даже мечтать об обладании принцессой. На нее смотрели, как на существо неземное, и все чужеземные принцы, которые появлялись при дворе с притязаниями на ее руку, казались неизмеримо ниже ее; никому даже в голову не приходило, что принцесса или король могут обратить взор на кого-нибудь из них. Сознание своего ничтожества постепенно отпугнуло всех прежних претендентов, и слухи о непреклонной гордости королевской семьи отнимали и у новых охоту подвергнуться унижениям. Эти слухи имели некоторое основание. При всей своей кротости, король почти невольно уверовал в свое величие, и мысль о браке дочери с человеком более низкого и темного происхождения была для него нестерпима. Ее исключительно высокие каче-

ства все более и более укрепляли в нем эти чувства. Он происходил от древних восточных царей. Жена его была последней в знаменитом роде героя Руста́на. Певцы короля неустанно пели ему про его родство с прежними сверхчеловеческими властителями мира, и в волшебном зеркале поэзии превосходство его над всеми другими людьми и величие его рода представлялись ему еще более ярко; ему казалось, что он связан с остальным человечеством только через посредство более благородного сословия певцов. Он тщетно искал второго Руста́на и печалился, так как чувствовал, что сердце его расцветающей дочери, интересы государства и его старость делают ее брак во всех отношениях чрезвычайно желательным.

Не далеко от столицы жил в уединенном поместьи старик, который всецело занят был воспитанием своего единственного сына и, кроме того, лечил сельское население в случаях тяжких болезней. Его сын был вдумчивого нрава и предавался изучению природы; отец руководил занятиями сына с его детских лет. Старик за несколько лет до того приехал издалека в этот мирный цветущий край и тихо наслаждался благотворным миром, водворенным заботами короля. Он пользовался тишиной для изучения сил природы и передавал свои увлекательные знания сыну, который выказывал большой интерес к ним; его глубокой душе природа охотно доверяла свои тайны. Лицо юноши казалось обыкновенным и незначительным тем, кто не умел подмечать высшим чутьем сокровенное в очертаниях его благородного лица и в необычайной ясности глаз. Но чем дольше на него смотрели, тем он казался привлекательнее, и трудно было оторваться от беседы с ним, слыша его нежный проникновенный голос и его очаровательные речи. Однажды принцесса, сады которой примыкали к лесу, окружавшему поместью старика в маленькой долине, поехала одна верхом в лес, чтобы свободно отдаться своим мечтам, повторяя про себя прекрасные песни. Прохлада высокого леса увлекала ее все дальше в тенистую глубину, и наконец, она приехала в поместье, где жил старик с сыном. Ей захотелось напиться молока; она сошла с лошади, привязала ее к дереву и вошла в дом попросить глоток молока. Сын старика, увидев ее, почти испугался волшебного явления величественной девушки, украшенной всеми чарами юности и красоты и почти обожествленной неопишимо-чарующей прозрачностью нежной, невинной и благородной души. Он выбежал из комнаты, спеша выполнить ее просьбу, звучавшую как пение духов; старик же со скромной почтительностью подошел к ней и пригласил ее сесть у простого очага, расположенного по середине комнаты; легкое голубое пламя бесшумно поднималось вверх из глубины очага. Ее с первого взгляда поразила комната, украшенная множеством редких предметов, чистота и порядок в доме, а также удивительная святость во всем; это впечатление еще усилилось при виде почтенного старца в простой одежде и его скромного, благовоспитанного сына. Старик сразу признал в ней, по ее роскошной одежде и благородной осанке, особу, имеющую отношение ко двору. Пока сына не было в комнате, она стала расспрашивать старика о некоторых достопримечательностях, которые более всего бросились ей в глаза, в особенности, о нескольких странных старинных изображениях, стоявших рядом с ее стулом у очага; он с готовностью дал ей увлекательные объяснения. Сын вскоре вернулся с кувшином свежего молока и передал ей его непринужденно и вместе с тем почтительно. После приятной беседы с отцом и с сыном она поблагодарила их за гостеприимство и, краснея, попросила у старика дозволения побывать у них снова, чтобы насладиться его поучительными речами о стольких замечательных предметах. Потом она села на лошадь и уехала домой, не выдав себя, когда убедилась, что отец и сын не знают ее. Несмотря на близость столицы, оба они так ушли в работу, что избегали общения с людьми; у юноши никогда не являлось поэтому желания побывать на придворных празднествах. К тому же он никогда не оставлял отца более, чем на час, когда уходил побродить по лесу в поисках бабочек, жуков и растений, и внимал внушениям тихого духа природы через посредство его разнообразных внешних проявлений. Для старика, для принцессы и для юноши простое происшествие приобрело одинаково большое значение. Старик сразу заметил, какое глубокое впечатление незнакомка произвела на его сына, и он достаточно его знал, чтобы понять, что всякое глубокое впечатление оста-

нется в душе его на всю жизнь. Его молодость и нетронутость должны были претворить первое ощущение такого рода в непреодолимое чувство. Старик уже давно ждал такого события. Благородная прелесть незнакомки невольно внушала ему симпатию, и его доверчивая душа не тревожилась о дальнейшем развитии странного происшествия. Принцесса никогда еще не испытывала такого состояния, как то, в котором медленно возвращалась домой. Она была во власти смутного, странно-колеблющегося впечатления от нового мира, и это не давало возникнуть никакой определенной мысли. Волшебное покрывало окутывало широкими складками ее ясное сознание. У нее было такое чувство, точно она очутилась бы в неземном мире, если бы покрывало откинулось. Воспоминание о поэзии, которая до того занимала всю ее душу, превратилось в далекую песню, соединявшую ее странно-очаровательную грезу с минувшими временами. Когда она вернулась во дворец, она почти испугалась его великолепия и пестрой суеты; и еще более устрасило ее приветствие отца, лицо которого, впервые в ее жизни, внушило ей благоговение и робость. Ей показалось необходимым молчать о своем приключении. Все достаточно привыкли к ее грезам, к ее глубоко-задумчивому взгляду, чтобы увидеть в нем что-либо необычное. Ее прежнее веселое настроение исчезло; ей казалось, что она окружена чужими. Станный страх охватил ее душу и длился до вечера. Тогда только ее утешила, навеяв счастливые грезы, радостная песня одного поэта, который превозносил надежду и увлекательно пел о чудесах веры в исполнение желаний.

Юноша тотчас же после ее ухода ушел в чашу леса. Держась края дороги, он последовал за нею через кусты до ворот в парк и потом вернулся по дороге. Вдруг он увидел, что у ног его что-то ярко сверкнуло. Он наклонился и поднял темно-красный камень, который с одной стороны сверкал необычайным блеском; на другой его стороне вырезаны были непонятные знаки. Он увидел, что это драгоценный карбункул, и ему как будто вспомнилось, что камень этот был у незнакомки посредине ее ожерелья. Он поспешил окрыленным шагом домой, точно надеясь, что она еще там, и принес камень отцу. Они решили, что сын на следующее же утро пойдет обратно по дороге и будет ждать, не ищут ли камень, и тогда его отдаст. Если же этого не случится, то они решили подождать вторичного посещения незнакомки, чтобы вручить камень ей самой. Юноша созерцал карбункул почти целую ночь и под утро ощутил неотразимое желание написать несколько слов на бумажке, в которую он завернул камень. Он сам в точности не знал, что представлял себе и о чем думал, когда писал следующие слова:

В его крови, сияющей и знойной,
Загадочные вижу письмена.
Не так ли в сердце вечен лик спокойный
И ты, безвестная, отражена?
Из камня брызжет искр поток нестройный,
Во мне лучей колеблется волна.
Из камня к свету скрытый свет струится.
Не сердце ль сердца и во мне таится?

Едва наступило утро, как он отправился в путь и поспешил к воротам сада.

Тем временем принцесса заметила, раздеваясь на ночь, потерю дорогого камня из ожерелья. Карбункул был ей дорог, как память о матери, а также как талисман. Обладание им обеспечивало ей свободу, так как, нося его, она знала, что никогда не подпадет под чужую власть против своей воли.

Потеря камня скорее удивила, чем испугала ее. Она помнила, что камень был на ней, когда она выехала из дому, и была твердо уверена, что потеряла его или в доме старика, или на обратном пути в лесу; она еще ясно помнила дорогу и решила с самого утра пойти искать камень. Эта мысль привела ее в радостное расположение духа; можно было подумать, что

потеря совершенно не огорчала ее, так как была предлогом тотчас же снова проделать тот же путь. Когда наступило утро, она пошла через сад в лес, и так как шла скорее обыкновенного, то ее ничуть не удивило, что сердце у нее сильно билось и теснило грудь. Солнце только что стало золотить верхушки старых деревьев; они тихо шелестели и точно будили друг друга от ночных грез, чтобы вместе приветствовать солнце. Принцесса услышала издали шум, взглянула на дорогу и увидела спешившего к ней навстречу юношу, который в ту же минуту заметил ее.

Он на минуту остановился, как вкопанный, и стал глядеть на нее, не отводя глаз, точно хотел убедиться, что это действительно она перед ним, что появление ее не обман чувств. Они приветствовали друг друга с сдержанным выражением радости, точно давно знали и любили друг друга. Еще прежде, чем принцесса успела объяснить ему причину своей ранней прогулки, он, краснея и с сильно бьющимся сердцем, передал ей драгоценный камень, завернутый в испи-санную бумажку. Можно было подумать, что принцесса угадала внутренним чутьем содержание стихов. Она молча взяла бумажку дрожащей рукой и в награду за находку, почти не отдавая себе отчета в том, что делает, надела на юношу золотую цепочку, которую носила на шее. Он смущенно опустил перед нею на колени, и когда она осведомилась о его отце, он долгое время не мог найти слов для ответа. Она сказала ему тихим голосом, опустив глаза, что вскоре опять будет у них и с большой радостью воспользуется готовностью отца познакомить ее со своими редкостями.

Она еще раз поблагодарила юношу с необычайной сердечностью и затем медленно, не оборачиваясь, пошла назад. Юноша не в силах был проговорить ни слова. Он почтительно поклонился и долго глядел ей вслед, пока она не исчезла за деревьями. Немного дней спустя она вторично приехала к старику, а за этим вторым посещением последовали дальнейшие. Юноша незаметным образом сделался ее постоянным провожатым. Он в определенные часы приходил за нею к саду и провожал ее туда обратно. Она хранила ненарушимое молчание относительно того, кто она, хотя в остальном настолько доверялась своему спутнику, что вскоре ни одна мысль ее небесной души не оставалась для него тайной. Ее высокое происхождение точно внушало ей самый тайный страх. Юноша тоже открывал ей всю свою душу. Отец и сын считали ее знатной молодой девушкой придворного круга. Она привязалась к старику, как нежная дочь. Ее ласковое обращение с ним было очаровательным предвозвестником нежности к юноше. Она вскоре сроднилась с очаровательным домом и пела под звуки лютни своим небесным голосом дивные песни старику и сыну, сидевшему у ее ног, а затем обучала сына этому обаятельному искусству; после того она, в свою очередь, внимала его вдохновенным объяснениям мировых тайн. Он рассказывал ей, как создавался мир, благодаря чудесным влечениям, и как светила соединялись в звучные хороводы. Доисторические времена воскресали в ее душе через посредство его священных повествований, и она приходила в восторг, когда ученик ее, охваченный мощным вдохновением, брал в руки лютню и с невообразимой понятливостью начинал петь дивные песни. Однажды, когда юноша провожал принцессу домой, душа его поддалась особенно смелому порыву, а мощная любовь победила ее девичью сдержанность; оба они, сами не зная как, упали друг другу в объятия, и первый пламенный поцелуй соединил их навеки. В это время, с наступлением сумерек, поднялась вдруг сильная буря в вершинах деревьев. Грозные тучи надвинулись на них и окутали глубокой ночной темнотой. Он торопился укрыть свою спутницу от страшной непогоды, от вырываемых ветром деревьев, но заблудился среди ночного мрака в тревоге за свою возлюбленную и углублялся все дальше и дальше в лес. Страх его усилился, когда он заметил свою ошибку. Принцесса представляла себе испуг короля и всего двора; невыразимый ужас пронизывал время от времени разрушительным лучем ее душу и только голос возлюбленного, неустанно твердившего ей слова утешения, возвращал ей мужество и облегчал стесненную грудь. Буря не прекращалась; все старания найти дорогу были тщетны, и они обрадовались, когда при вспыхнувшем свете молнии открыли по близости пещеру на крутом склоне лесистого холма; там они надеялись укрыться от бушующей непогоды

и найти отдых истощенным силам. Счастье благоприятствовало их желаниям. Пещера была сухая и обросшая чистым мохом. Юноша быстро зажег костер из хвороста и моха, и они могли обсушиться у огня. Влюбленные очутились отрезанными от мира, спасенными от опасности и расположились на удобном теплом ложе.

Дикий миндальный куст, отягченный плодами, свешивался в самую пещеру и, услышав журчание ручья по близости, они вскоре нашли свежую воду для утоления жажды. Лютню юноша взял с собой и она доставила им теперь ободряющее, успокоительное развлечение у потрескивающего огня. Казалось, высшая сила захотела поскорее распутать узел и свела их в этой романтической обстановке. Невинность их сердец, волшебное настроение душ и неотразимая власть сладостной страсти и юности опьяняла их; они вскоре забыли мир и все свои отношения к нему и при свадебном пении грозы и брачных факелах молнии погрузились в сладчайшее упоение, какое когда-либо охватывало смертную чету. С наступлением светлого голубого утра они проснулись в новом блаженном мире. Но поток горячих слез, который вскоре полился из глаз принцессы, выдал ее возлюбленному пробуждающуюся тревогу ее сердца. Он стал в эту ночь старше на много лет, сделался из юноши взрослым мужем. Охваченный беспредельным воодушевлением, он начал утешать свою возлюбленную, говоря о святости истинной любви, о высоком доверии, которое она внушает, и стал ее просить, чтобы она твердо ждала самого радостного будущего от гения-хранителя ее сердца. Принцесса почувствовала истину его утешающих слов и открыла ему, что она дочь короля и что она страшится горя и оскорбленной гордости ее отца. После долгого обсуждения они пришли к согласному решению, и юноша тотчас же отправился к своему отцу, чтобы ознакомить его с их намерениями. Он обещал скоро вернуться к ней и покинул ее успокоенной; она погрузилась в сладкие мечты о благополучном исходе событий. Юноша вскоре прибыл в отцовский дом, и старик очень обрадовался, увидав его живым и невредимым. Он узнал историю и намерения любящей четы и, после некоторого размышления, согласился содействовать им. Дом его был укрытый от взоров, и в нем существовало несколько подземных комнат, куда нелегко было проникнуть. Их решили предоставить принцессе. В сумерки юноша привел ее, и старик встретил ее, глубоко растроганный. Она потом часто плакала, когда оставалась одна, думая о горе своего отца; но она скрывала свою печаль от возлюбленного и говорила о ней только старику, который ласково утешал ее надеждами на скорое возвращение к отцу.

При дворе началась страшная тревога, когда вечером заметили отсутствие принцессы. Король был вне себя и разослал людей во все стороны искать ее. Никто не мог объяснить себе ее исчезновения. Никому не приходила мысль о какой-нибудь любовной тайне; не предполагали также возможности побега, так как, кроме принцессы, никто не исчез из придворных. Не было ни малейших оснований ни для каких предположений на ее счет. Разосланные гонцы вернулись ни с чем, и король впал в глубокую печаль. Только по вечерам, когда к нему являлись певцы и пели ему прекрасные песни, в нем пробуждалась на минуту прежняя радость; ему казалось, что дочь его по близости, и он снова надеялся увидеть ее. Но когда он оставался один, сердце его разрывалось на части от горя, и он громко плакал. Тогда он думал про себя:

– На что мне мое величие и высокое рождение? Все же я несчастнее всех людей на свете. Ничто не может заменить мне мою дочь. Без нее все песни лишь пустые слова и обман чувств. Она была волшебной силой, вливавшей в них жизнь и радость, она облекала их образы и придавала им очарование. Как бы я хотел быть ничтожнейшим из моих слуг. Тогда бы у меня была моя дочь, был бы еще зять и внуки, которых я сажал бы себе на колени. Тогда бы я был действительно королем. Не венец и не державная власть составляют короля, а полное, быющее через край чувство радости, удовлетворенности земными благами, чувство избытка счастья. Я наказан за свою гордыню. Утрата супруги еще недостаточно меня потрясла, и вот теперь меня постигло беспредельное горе. – Так жаловался на судьбу свою король в часы самого пламенного томления. Иногда же снова проявлялись его прежняя суровость и гордость. Он гне-

вался на себя за свои жалобы и решал переносить печаль, как подобало его высокому положению. Он тогда считал, что должен страдать больше других, что королю приличествует великая скорбь. Но когда наступали сумерки, когда он входил в комнату дочери и глядел на висевшие там платья и на все ее вещи, остававшиеся стоять по своим местам так, точно она только что вышла из комнаты, он забывал свои намерения, ясно обнаруживал свою печаль и зывал о жалости к ничтожнейшим из своих слуг. Весь город и вся страна плакали и разделяли его скорбь. Но почему-то носился слух, что принцесса жива и вскоре вернется вместе с тем, кто стал ее супругом. Никто не знал, откуда пошел этот слух, но все радостно верили ему и с нетерпением ждали скорого возвращения принцессы. Так прошло несколько месяцев, и снова настала весна. «Вот увидите, – говорили некоторые, – скоро вернется принцесса». Даже король повеселел и стал надеяться. Слух казался ему как бы обетом расположенного к нему провидения. Возобновились прежние празднества и для полного расцвета прежнего великолепия недоставало только принцессы. Однажды вечером, когда как раз исполнился год со времени ее исчезновения, весь двор собрался в саду. Воздух был теплый и ясный; тихий ветер шелестел в верхушках старых деревьев и, казалось, возвещал о приближении издалика веселого карнавала. Во мрак шелестящих верхушек поднялась высокая струя фонтана среди множества факелов с бесчисленными огнями и сопровождала звучным журчанием песни, раздававшиеся под деревьями. Король сидел на пышном ковре, и вокруг него собрался двор в праздничных одеждах. Многочисленная толпа наполняла сад и окружала величественное зрелище. Король глубоко погрузился в мысли. Ему представился с необычайной ясностью образ его дочери; он вспоминал счастливые дни, внезапно оборвавшиеся ровно за год перед тем. Пламенная тоска охватила его и обильные слезы потекли по старым щекам; но он ощущал вместе с тем необычайную радость. Ему казалось, что печальный год был только тяжелым сном, и он поднял глаза, как бы отыскивая среди людей и деревьев высокий, священный, обаятельный образ дочери. Певцы только что кончили свои песни, и глубокая тишина казалась знаком общей умиленности, ибо певцы воспевали радость свидания после разлуки, весну и будущее в тех красках, которыми украшает его надежда.

Вдруг тишину прервали звуки незнакомого прекрасного голоса, который раздался точно из древнего дуба по близости. Все взгляды направились туда; там стоял юноша в простой, но чужеземной одежде. Он держал в руке лютню и спокойно продолжал петь, низко поклонившись, когда король обратил взгляд в его сторону. Голос его был необычайно прекрасен, и пение звучало неведомым очарованием. Он пел о начале мира, о происхождении звезд, растений, животных и людей, о всемогущем участии природы, о древнем золотом веке и о властителях его, любви и поэзии, о возникновении ненависти и варварства и об их распрях с этими добрыми богинями и, наконец, о грядущем торжестве последних, о конце печали, об обновлении природы и о том, что вернется вечный золотой век. Старые певцы, сами охваченные восторгом, обступили во время пения странного незнакомца. Небывалое восхищение преисполнило зрителей, и самому королю казалось, что его куда-то уносит небесный поток. Такой песни никто никогда еще не слышал, и всем казалось, что среди них появилось небесное создание, тем более, что юноша как бы становился во время пения все более прекрасным, а голос его все более мощным. Воздух играл его золотыми кудрями. Лютня оживала в его руках, и взор его погружался, точно опьяненный, в более таинственный мир. Детская невинность и чистота его лица тоже казались неземными. Но вот дивное пение кончилось. Старые певцы прижимали юношу со слезами радости к груди. Тихий, глубокий восторг охватил присутствующих. Король взволнованно подошел к певцу. Юноша скромно упал к его ногам. Король его поднял, сердечно обнял его и сказал, чтобы он сам себе назначил награду. У него вспыхнуло лицо, и он попросил короля выслушать еще одну песню и тогда ответить на просьбу. Король отступил на несколько шагов и чужеземец начал:

«Пути певца – труды без счета,
Он платье о терновник рвет,
Проходит реки и болота,
И помощь – кто ему пошлет?
Все безнадежней, бесприютней
Певца усталая мольба.
Еще не расстается с лютней,
Но тяжела ему борьба.

Мне грустный был назначен жребий,
Пустынна вокруг меня земля,
Я всем пою о светлом небе,
Ни с кем веселья не деля.
Своим уделом весел каждый
И жизни рад – через меня;
Но жалок дар их: встречной жаждой
Не примут моего огня.

Легко со мною разлученье,
Как с маем, улетевшим вдаль;
Когда он тает в отдаленье,
Кому растаявшего жаль?
Они просили только хлеба
А знать, кто сеял – нужды нет;
Я в песнях сотворил им небо
В молитве их найду ль ответ?

Я чувствую: волшебной властью
Окрепил слабые уста.
Ах, отчего их дивной страстью
Любви не окрылит мечта?
Не вспомнит ни одна о бедном
Пришельце из чужой страны;
К его молениям бесследным
Сердца, как раньше, холодны.

Он падает в густые травы,
В слезах пытается заснуть;
Но гений песен величавый
В стесненную нисходит грудь:
Забудь, забудь, что ты унижен,
Не вечны слезы на лице,
Чего в стенах не встретил хижин,
Тебе предстанет во дворце.

Конец томленьям и урону,
Судьба нежданная близка.
Венок из мирта, как корону,
Наденет верная рука.

К престолу славы властным словом,
Счастливым, призван ты один;
Певец по ступеням суровым
Взошел, как королевский сын».

Когда он дошел до этого места в своей песне, присутствующих охватило странное волнение, ибо при последних строфах вдруг появились и стали за певцом никому неведомые старик и рядом с ним закутанная в покрывало женщина высокого роста, с дивным младенцем на руках. Ребенок ласково глядел на чужих людей и с улыбкой тянулся маленькими ручками к сверкающему венцу короля. Но общее изумление возросло еще более, когда вдруг с верхушек старых деревьев слетел любимый орел короля, постоянно находившийся при нем; он держал в клюве золотую головную повязь, которую он, по-видимому, похитил из комнат короля. Орел спустился на голову юноши, и повязь обвилась вокруг кудрей чужеземца, в первую минуту испугавшегося. Орел отлетел к королю, оставив повязь. Юноша передал ее ребенку, потянувшемуся за нею, и продолжал растроганным голосом свою песню:

«Певец, от грезы пробужденный,
В волненье ринулся вперед,
Листвой зеленой осененный,
К порогу царственных ворот.
Блистают стены крепкой сталью,
Их песня победит шутя.
К нему с любовью и печалью
Стремится царское дитя.

Любовь их сводит тесно вместе,
Но гонит вдаль бряцанье бронь;
Они таятся в мирном месте,
Их мучит сладостный огонь.
И оба, скрытые укромно,
Страшатся гнева короля,
Всегда – зарей и ночью темной
Вдвоем восторг и боль деля.

И о надежде непрерывно
Поет над матерью певец,
И, привлеченный песней дивной,
Приходит к ним король-отец.
И дочь протягивает внука,
Младенца в золотых кудрях;
Испуг, раскаянье и мука

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.